

ИЗЯСЛАВ ВИНТЕРМАН

ВНИЗ ГОЛОВОЙ НАПОПОЛАМ

Формаслов

Москва

2021

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
В50

В50 Винтерман Изяслав

Вниз головой напололам / И. Винтерман. — М.: Фор-
маслов, 2021. — 48 с.

ISBN 978-5-6045425-5-2

Изяслав Винтерман, живущий в Иерусалиме, — автор более десяти книг. «Вниз головой напололам» — его новая книга, которая продолжает основные мотивы лирики автора и расширяет их. Поэтический стиль в ней характеризуется не нарративное повествование, а экспрессионистское, ассоциативное восприятие мира, постигаемого чувственным человеком. Это книга о поиске смысла собственного существования, который открывается прежде всего через любовь во всех её проявлениях.

ISBN 978-5-6045425-5-2

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6



© И. Винтерман, текст, 2021
© С. Овакимян, обложка, 2021
© Формаслов, 2021

И в расширяемой Вселенной

сорвавшись с веток ранних

как яблоки по головам

Лгео мгновенно заброшенных
в почти заброшенных

ли падали без вычисления

Ильяслав Винтерман



Это небо в день гнева —
с облаками над луковицами церквей —
обольётся слезами и птицами (от крестов до... червей),
и деревьями лиственными и хвойными дворянских пород —
осеннее, чумовое, от которого поворот —
в землю или под землю на конце реки,
то ли Волги верблюжьей, то ли, выколи глаз, Оки.
И глядишь на Стрелку*, на остриё направления вверх или вдаль,
по течению или против него,
будто по недомыслию замысел разгадал...

* Место слияния Волги и Оки.



Кувшины, распухшие от воды,
распахнутые врата.
Входи, живи и вкушай плоды,
не выронив изо рта.

Живём — отравленные водой,
отвратным на вид плодом,
с наколотою в глазах звездой,
сжигающею наш дом.

И если снова вернусь сюда —
свой лёгкий свершить нажим, —
пусть звёзды капают, как вода,
окуклившись до снежин.



Не утонуть два раза в одной реке:
в омут сперва, потом головой с моста.
Одна голова летит — эге-ге-е! —
другая молчит, пузыри изо рта,

раздулась на двадцать бульбулей она,
встречает рассвет, провожает закат:
запас золотой от плоского дна
вбирая в погашенные глаза.

И катятся дальше река, голова.
И роется луч в шевелюре волн.
Любовь провожает до гроба, ловя
голова, с плеч летящие вон...



Всё забрызгано пятнами света,
тенью старых и новых деревьев.
Мало ветра, чтоб листьями с веток
отрываться, лететь, одурев.

Тени тьмою набухнут. Бескровье
колыхнёт к ледяному окну.
Полечу как отродье бесовье,
бошку в плесень ночную макну.



Джонни Уокер и Дэниэлс Джек
спят в остатках на донышках тёмных,
друг у друга в движении век
продолжаясь, в словах мегатонных.
Друг у друга мы есть или нет..
То ломясь, то вливаясь друг в друга,
разделяем ли мы тьму и свет —
изнутри подождённого круга —
то сминающих нас, точно сон,
то бессонницей душащих смертной.
А в висках два дружка в унисон,
как навлоны валютою местной.



Русский актёр проходит пробы,
вступительные экзамены —
изображает пьяного.
Это же нулевой уровень,
клятва на знамени,
слёзы над гробом,
управление туманами,
контурами пустоты.
Захлёбывается слюной,
выхлопным газом
клятвы:
«Я знаю, что трезв,
и со мною народ мой,
в роль входящий,
как в куст горящий,
не моргнув и глазом».



Мы подняли листву, смели,
как фрагменты старинной карты
неоткрытой ещё земли
то ли плоской, то ли покатой.
Нам бы землю эту открыть,
в сердце не убавляя прыть,
выбивая ревнивый ритм,
выколачивая тайну рифм
из стволов, из груди, из глаз,
текущих по карте вниз, —
это сердечный оргазм,
естественный магнетизм.



Гоняет ветер здесь чай
с потомками орды.
Причудливы обычаи
всегда живой воды.

Стучит в мозгу тестостерон —
есть слух даже у глаз.
Любовью с четырёх сторон
и с пятого угла —

проходят люди взад-вперёд,
неся свои кресты,
пьют кислород и водород
и бегают в кусты...



Меня пробирает дождь,
по листьям скользящий вниз.
Внизу ставят штамп подошв
сочнее транзитных виз.

Ласкает каблук земля.
Припудривает носок
серебряная зола,
и шепчет дождю листок:

«Уже никуда не лечу...»
Проводит по мне водой,
хлопает по плечу,
будто я неродной.

Голосом голых ветвей,
криком синего дня,
дождь рукою твоей
перебирает меня.



Вышел, упал головою в снег,
сердцем — в прохладный пух.
Зверь мой, ты оставила мне
запах свой, свет и дух...
Волнами покатали дни:
за волною ещё волна.
Ты оставила мне задолго до них
жизнь ещё одну — вот она!

ДИПТИХ

1.

Неба волчица накормит
звоном в ушах —
кровью — до метеошторма
в обычных вещах.

Вот, ещё звонче, звонче —
там, глубоко вверху.
В завывании волчьем —
страх во рту.

Ширина, глубина —
невозможная голубизна...
И прекрасная темнота —
звёзды выпали изо рта.

2.

Небо — пепельно-чёрный
дух переводит на два щелчка:
замри! А чего он хочет:
человек без кожи и нервов
от неба? —
Может, коре деревьев завидует,
шерсти зверья,
нежному меху космоса,
пока не сожжёт заря.



Успехам первых листьев,
осеннему вранью —
с улыбкой верю лисьей
седому воронью.

Я отправляю осень
на смерть перед собой.
Нет места рыжим косам
с зелёною травой,

их бурному роману
до яблочного дня,
и ветру-пироману,
разжѣгшему меня.



Где-то за первым глотком
кофе — наступит покой.
Небо светлеет,
сцарапав налёт ноготком
с жирных деревьев аллеи, —
я не такой.

Золото сходит легко.
Каплями света и пота —
солнце. Отмашка —
оно далеко.
Здесь только я, только прото-
тип беспокойный за чашкой.



Я на молекуле, на атоме,
таких, как я, здесь миллион.
Но тот, кто бьёт меня цитатами, —
я понимаю, лучше он.

Он светел, лоб его — медалью,
он лучше от младых ногтей
несовершенною моралью
и экспрессивностью идей.

Он — легион, а я без имени —
хлопок беззвучный в пустоту.
И только ты, и только ты меня,
любя, поймаешь на лету.



Осень — плотно набитый шкаф
с шерстяным богатством.
Одолжите пальто и шарф —
благородства сей жест придаст вам:
сразу видно, кто плут, кто шпик,
в чьи случайно попало руки.
Всё напялю под дождевик —
и посмотрим на ваши трюки.

Смысл, теряющий блеск, размер —
не велик его, как раньше.
Включит дождик секундомер:
сколько мы пребывали в трансе,
что ни капельки не хотим
выходить и теряться в вечном.
Лак потрескался, как хитин,
вещи стали бесчеловечны.



Девочка с яблоком, змеем ручным,
шлёт избранника в... сад,
побаловав мясным и мучным,
объясняя на полпути: рай или ад —
разницы нет, сколько вглубь ни ходи,
ниточка жизни ещё не видна...
Полпути превращаются в целый путь,
в непредсказуемые времена.
Ветер-змей — бабник и шалопут —
задирает тёплой рукою меня,
сползает на плечи с голых дерев,
ищет себя в каждом из нас.
До сути дойдя, сам себе надоев,
работает сквозняком на износ.



Отбрасывая лишние детали,
гармонию по-своему творя,
смерть упрощает времена и дали
до мелких букв и слёз календаря.

Пора, мой друг, хоть мерлин ты, хоть мерилин
с высокими стандартами, пора.
Печаль суха, а водку мы не мерили,
ладонями черпая из ведра.

В ладонях свет, как ветка в клюве птички...
Такая в нас любовь или игра,
что вылупится солнце из яичка —
обдулим страхом смерти полиграф.

Печаль суха, от боли не отмыться,
какая где бескрайняя весна...
Зима холодной струйкою змеится
между лопаток, будто мне тесна...



Если увязну в туманном стекле
зимнего времени
или в осенней стору кислоты,
в желчи и горечи;
в строчках о небе замёрзну, тобой
брошенный в яму.
Столько мы знали, откуда, зачем —
не понимаю.
Да не разъест меня слёз кислота,
да не замучает время;
не растворится стекло без лица,
и не увязну.